

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-3-81-92

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

С.А. Орешин¹

Введение
Нажмутдин Гоцинский: борьба за Имамат
Январь 1918 г. Поход на Темир-Хан-Шуру
Эмират Узун-Хаджи Салтинского: становление и крах мусульманской теократии
Имам Саид-бей против Советской власти
Окончательное поражение шариатистов
Заключение. Почему не состоялась шариатская монархия на Северном Кавказе?

Поступила в редакцию: 20.07.2019.
Передана на рецензию: 25.07.2019.
Получена рецензия: 17.08.2019.
Принята в номер: 30.08.2019.

Мусульманская теократическая монархия на Северном Кавказе в период российской Революции 1917 года и Гражданской войны: идеи и попытки реализации²

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН;
oreshin12345@yandex.ru*

В статье анализируются попытки создания на Северном Кавказе после падения монархии в России мусульманского теократического государства. Руководили движением за возрождение Кавказского Имамата главным образом дагестанские духовные лидеры, среди которых выделялись Нажмутдин Гоцинский и Узун-Хаджи Салтинский. Однако попытка Гоцинского стать имамом во второй половине 1917 – начале 1918 г. не увенчалась успехом. Осенью 1919 г. Узун-Хаджи провозгласил создание Эмирата, но в начале 1920 г. в силу ряда внешних и внутренних причин он распался. Последнюю попытку установить шариатскую монархию во главе с внуком Шамиля Саид-беем предприняли лидеры антибольшевистского восстания в Дагестане и Чечне во второй половине 1920 г., но большая часть горцев их не поддержала, и весной 1921 г. восстание было подавлено. В 1925 г. шариатское движение было окончательно разгромлено коммунистами, установившими на несколько десятилетий свою власть в регионе.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, ислам, российская революция, Гражданская война, Кавказский имамат, Северокавказский эмират, Нажмутдин Гоцинский, Узун-Хаджи Салтинский, Саид-бей, Шамиль.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-3-81-92

¹ Сергей Александрович Орешин – научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, к. ист. н.

² Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

S.A. Oreshin³

Introduction.
Nazhmutdin Gotsinsky: the struggle for the Imamate.
January 1918 Campaign on Temir Khan-Shura.
The Emirate of Uzun-Haji of Salta: the formation and collapse of the Muslim theocracy.
Imam said Bey against Soviet power.
Final defeat of Sharia.
Conclusion. Why did not the Sharia monarchy take place in the North Caucasus?
Conclusion.

Received: 20.07.2019.
Submitted for review: 25.07.2019.
Review received: 17.08.2019.
Accepted for publication: 30.08.2019.

Muslim Theocratic Monarchy in the North Caucasus during the Russian Revolution of 1917 and the Civil War: Ideas and Attempts of Implementation⁴

N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology. RAS;
oreshin12345@yandex.ru

The article analyzes the attempts to create a Muslim theocratic state in the North Caucasus after the fall of the monarchy in Russia. The leadership of the movement for the revival of the Caucasian Imamate rested mainly in the hands of Dagestan spiritual leaders, among which Najmutdin Gotsinsky and Uzun Haji Saltinsky stood out. However, Gotsinsky's attempt to become an Imam in the second half of 1917 – early 1918 was not successful. In the autumn of 1919 Uzun-Haji proclaimed the creation of the Emirate, but in early 1920, due to a number of external and internal reasons, it collapsed. The last attempt to establish a Sharia monarchy led by Shamil's grandson Said Bay was made by the leaders of the anti-Bolshevik uprising in Dagestan and Chechnya in the second half of 1920, but most of the highlanders did not support them, and in the spring of 1921 the uprising was suppressed. In 1925, the Sharia movement was finally defeated by the Communists, who established their power in the region for several decades.

Keywords: *The North Caucasus, Islam, the Russian Revolution, the Civil War, the Caucasian Imamate, North Caucasian Emirate, Najmutdin Gotsinsky, Uzun-Haji Seltinsky, Said Bay, Shamil.*

Введение

Падение монархии в России в 1917 г. и начавшиеся революционные преобразования во всех сферах жизни общества поставили перед страной в целом и отдельными регионами бывшей Российской империи вопрос о выборе пути дальнейшего развития и создании новой модели государственности. На Северном Кавказе большое влияние на развитие событий оказал мусульманский фактор. Объясняется это тем, что большая часть кавказских горцев исповедовала ислам, кроме того, жива была память о существовавшем в 1820–1850-х гг. Кавказском имамате – мусульманской теократической монархии, после продолжительной борьбы разгромленной царской Россией. Идеи возрождения Имамата продолжали

---

³ Sergey Alexandrovich Oreshin – Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.

⁴ Published in accordance with the plan of research works of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

существовать в умах части мусульманского населения края, которое в 1917 г. получило возможность воплотить в жизнь свои представления.

Нажмутдин Гоцинский: борьба за Имамат

В апреле 1917 г. в столице Дагестанской области Темир-Хан-Шуре (ныне – город Буйнакск) возникла организация «Джамиат аль-Исламие», а в июле – «Джамиат аль-Уляма». Во главе этих организаций стояли мусульманские духовные лица (муллы, кадии, алимы, суфийские шейхи), а также беки, помещики, офицеры, торговцы. В историографии они получили название «шариатский блок» [7, с. 109]. В июне того же года выделяется радикальное крыло, представители которого выступали за выход Кавказа из состава России, немедленное введение шариатского правления и возрождение мусульманской теократической монархии в виде Имамата. Главным претендентом на пост имама был известный политический и духовный деятель, ученый-арабист, крупный барановод и землевладелец аварско-кумыкского происхождения Нажмутдин Гоцинский. В марте 1917 г. он был избран членом Дагестанского областного исполнительного комитета, а в мае на I Общегорском съезде во Владикавказе – муфтием Северного Кавказа и Дагестана и членом ЦК Союза объединенных горцев. Видными деятелями этого течения были Дарбиш Мухаммад-Хаджи и Серажутдин-Хаджи Инхоевские, Мухаммад-Амин Ансалтинский, Магома Балаханский, Ибрагим-Хаджи Кучрабский, Тажуддин-Кади Дженгутаевский. Но самым ярким лидером, безусловно, был аварский шейх Узун-Хаджи Салтинский, обладавший, по свидетельствам современников, железной волей, огромной энергией, предприимчивостью и фанатизмом [14, с. 21–22].

Узун-Хаджи разъезжал по чеченским и дагестанским аулам, призывал к неповиновению Временному правительству, агитировал за установление шариатской власти и убеждал горцев в необходимости избрания имама – верховного вождя, руководящего как духовными, так и светскими делами народа. Его пропаганда не встретила никакого противодействия со стороны местных властей, которые уверяли, что сторонников у него мало и опасаться нечего [12, л. 52]. Однако они недооценили шариатистов, продемонстрировавших свою силу на II Общегорском съезде, состоявшемся 17–20 августа в ауле Анди. Незадолго до начала съезда по аулам пронесся слух, что на берегу озера Кезенойам появится имам, который будет обладать сверхъестественными способностями и совершит множество чудес. На берегах озера собралось, по некоторым данным, до 10–20 тысяч человек, представлявших все горские народы (аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки, чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, карачаевцы и др.).

Гоцинский и Узун-Хаджи появились в сопровождении сотен всадников и своих мюридов, распевавших священные песни. Лидеры шариатистов обратились к собравшимся с призывом немедленно избрать Гоцинского имамом. Они попытались привести присутствовавших к присяге на верность новоявленному лидеру [5, с. 118]. Однако, несмотря на первоначальный успех, им не удалось достигнуть своей цели, т. к. далеко не все присутствующие были сторонниками провозглашения Имамата. Руководители ЦК Союза объединенных горцев справедливо отмечали, что этот шаг будет означать разрыв с Россией и объявление войны Временному правительству, располагавшему внушительной военной силой. Кроме того, многие присутствовавшие муллы и шейхи не поддержали притязания Гоцинского. В результате он был утвержден только в сане муфтия [1, с. 50]. Это же решение было подтверждено и на III Общегорском съезде во Владикавказе в сентябре.

Тем не менее, Узун-Хаджи и его сторонники продолжали агитировать за изгнание с Кавказа всех представителей Временного правительства, отстранение светских властей и замену их представителями шариатской власти [15, с. 112]. Гоцинский также рассылал воззвания ко всем кавказским мусульманам – «шафиитам, ханафитам, шиитам, находящимся на юге и находящимся на севере», в которых призывал их к братству и единению, готовности защищать «свободу и шариат». В то же время он рекомендовал горцам жить в мире с христианами и особенно с русскими, сохранять добрососедство и подчеркивал, что его цель состоит в укреплении межнациональных отношений и предотвращении «беспорядков и столкновений» [4, с. 20].

Однако к концу 1917 г. выявилась ограниченность шариатского движения. Оно практически не имело сторонников на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа. На Северо-Востоке региона они имели прочные позиции в Веденском, Аварском, Андийском и Гунибском округах. В то же время в городах шариатисты почти не пользовались поддержкой. Представители кавказской интеллигенции видели в них реакционеров, желающих возродить давно ушедшее прошлое. Выходцы из среды горской аристократии, офицерства и буржуазии опасались быть отодвинутыми на задний план. Против провозглашения Имамата выступали такие видные богословы и духовные деятели Дагестана и Чечни, как Али-Хаджи Акушинский, Хасан Хилми Афанди Кахибский, Али Каяев, Улакай-Кади Урахинский, Абусуфьян Акаев, Сайфулла-кади Башларов, Сугаип-мулла Гайсумов, Дени Арсанов и др. [7, с. 45]. Что касается самой многочисленной группы населения – крестьян, то они выступали за незамедлительную аграрную реформу. Однако шариатисты, среди которых было немало крупных торговцев, землевладельцев и скотоводов, выступали против конфискации земель и скота и распределения их среди трудящихся. Более того, Гоцинский неоднократно подчеркивал, что аграрный вопрос должен быть разрешен «по шариату», грозил участникам «аграрных беспорядков» суровыми карами и даже направлял своих сторонников для оказания помощи землевладельцам, конфликтовавшим с крестьянами. Эти шаги, вне всякого сомнения, отталкивали от него крестьянскую бедноту.

Январь 1918 г. Поход на Темир-Хан-Шуру

К концу 1917 г. стало очевидным, что даже в Дагестане, где влияние Гоцинского и Узун-Хаджи было наиболее сильным, шариатисты не смогут прийти к власти парламентским путем. В условиях обострившегося внутривластного кризиса в России после свержения Временного правительства, когда на Северном Кавказе образовался своего рода «вакуум власти», они предприняли попытку утвердить Имамат силой. В начале января 1918 г., накануне открытия III Дагестанского областного съезда, Гоцинский и Узун-Хаджи вместе со своими сторонниками численностью несколько тысяч человек начали поход на Темир-Хан-Шуру, не скрывая, что их целью является утверждение в регионе теократической монархии. К тому времени русские гарнизоны были выведены из Нагорного Дагестана, некоторые крепости вместе с их арсеналом оказались под контролем шариатистов, что усиливало их политический вес. Явочным порядком они начинают смещать в аулах и округах представителей Временного правительства и отстранять от власти местные комитеты. 9–10 января их отряды вошли в город. Во время пятничной молитвы в главной мечети Темир-Хан-Шуры Серажутдин-Хаджи Инхоевский возвестил народу, что отныне Гоцинский является полновластным имамом и во имя шариата все горцы должны подчиняться ему во всем и кроме него не признавать никаких властей. Дагестанский областной исполком попытался начать переговоры,

однако Узун-Хаджи отказался от компромиссов, заявив, что Нажмутдин является единственным имамом и все должны подчиняться ему беспрекословно, угрожая отрубить головы всем недовольным. Он открыто призывал к физическому уничтожению лидеров наиболее непримиримо настроенной по отношению к шариатистам Дагестанской социалистической группы, однако Гоцинский, боясь последствий, отказался от проведения силовой акции и упустил время [15, с. 122–124]. В Темир-Хан-Шуру начали прибывать вооруженные сторонники социалистов и республиканцев, включая отряд Красной Гвардии из Порт-Петровска.

В этих обстоятельствах открылся областной съезд. Шариатисты настаивали на роспуске областного исполкома, провозглашении Имамата и передаче всей полноты власти Гоцинскому. Однако они оказались в меньшинстве, и 13 января Исполком предъявил Гоцинскому ультиматум, потребовав вывести вооруженные отряды из города и дать личное разъяснение по поводу слухов об избрании его имамом. 14 января Гоцинский заявил, что примет все требования и не будет настаивать на имамском титуле [5, с. 152]. Областной исполком принял решение объявить всему населению Дагестана, что Нажмутдин Гоцинский – не имам, а только лишь муфтий, который должен руководить только религиозными делами и не вмешиваться в светские, которыми должны ведать светские люди [16, л. 1]. В конце января в Темир-Хан-Шуре состоялся Съезд алимов Дагестана, на котором разгорелись ожесточенные дискуссии по вопросу об Имамате. В конечном итоге большинством голосов претензии Гоцинского и его сторонников были отвергнуты [7, с. 262].

Однако уже в феврале на фоне усиления влияния большевиков и социалистов начинается сближение умеренных республиканцев с лидерами шариатистов. В марте-апреле отряды Гоцинского участвовали в боях с большевиками на стороне областного исполкома, а после установления в начале мая 1918 г. в области Советской власти Гоцинский и Узун-Хаджи активно включились в организацию антисоветского сопротивления. Однако им так и не удалось занять лидирующие позиции. Многие командиры повстанческих отрядов из числа бывших царских офицеров и генералов не поддерживали идею создания теократического Имамата во главе с Гоцинским и отказывались признавать его в качестве главнокомандующего. Они являлись сторонниками светской парламентской Горской республики, независимость которой была провозглашена 11 мая 1918 г. бывшими членами ЦК Союза объединенных горцев.

Шариатисты большие надежды возлагали на помощь со стороны Османской империи, однако турецкое правительство сделало ставку на республиканцев. В октябре–ноябре 1918 г. при поддержке подразделений османской армии в Дагестане была установлена власть Горского правительства. Турецкое командование довольно сухо относилось к Гоцинскому и Узун-Хаджи и дало им понять, что не видит их во главе Дагестана [5, с. 175]. Схожую позицию занимало и командование британских экспедиционных войск, сменивших турок на Кавказе после окончания Первой мировой войны. Гоцинский отказался от притязаний на светскую власть и вошел в состав Совета министров Горской республики, заняв должность министра шариатского ведомства. Узун-Хаджи на время отошел от активной политической деятельности, однако критиковал республиканских лидеров за сближение с христианскими государствами Антанты и настаивал на выводе из Дагестана британских войск.

Эмират Узун-Хаджи Салтинского: становление и крах мусульманской теократии

Положение изменилось весной 1919 г., когда вся территория Северного Кавказа оказалась захвачена белогвардейскими войсками генерала А.И. Деникина, выступавшего под лозунгом возрождения «единой и неделимой России». Горская республика прекратила свое существование. Шариатское движение раскололось. Гоцинский заявил о поддержке белогвардейцев и призывал горцев не оказывать сопротивления Деникину. Напротив, Узун-Хаджи решительно порвал с Гоцинским, заявив, что признав власть белых, он потерял право называть себя имамом: «Мы надеялись, что он станет имамом, а он оказался Иваном» (РГВА. Ф. 39759. Оп. 1. Д. 3. Л. 357–359.). Он стал одним из лидеров антиденикинского сопротивления и предпринял новую попытку создать в регионе мусульманскую монархию. В августе 1919 г. Узун-Хаджи занял Ведено и выпустил воззвание, в котором призывал всех горцев Северного Кавказа к газавату и убеждал их не складывать оружие до тех пор, пока хоть один белогвардейский солдат находится в регионе.

Вскоре к Узун-Хаджи стали подтягиваться горцы из Дагестана, Чечни, Ингушетии и Кабарды. В нем стали видеть наследника и преемника имама Шамиля, сражающегося за народ и веру и способного привести горские народы к процветанию [9, с. 70]. С победой над деникинцами горское крестьянство связывало надежду на разрешение в своих интересах аграрного вопроса и возвращение своих земель, отнятых у них царским правительством после Кавказской войны. Власть Узун-Хаджи признали горная Чечня и Ингушетия, а также Андийский округ Дагестана. Его ближайшим сподвижником стал некий Иналук Арсанукаев, служивший до революции приставом в Грузии, где женился на овдовевшей грузинской княгине и присвоил себе титул князя Дышнинского. По своей натуре Арсанукаев был честолюбивым, но весьма энергичным и предприимчивым авантюристом. Выдавая себя за эмиссара османского султана-халифа Мухаммада VI, он убедил Узун-Хаджи провозгласить Северо-Кавказский эмират – независимое теократическое государство под протекторатом Османской империи, и добился назначения на пост великого визиря. Дышнинский выпустил воззвание, в котором говорилось, что восставшие мусульмане Северного Кавказа будут «добиваться шариатской монархии, ибо в стране мусульманской республики существовать не может, на том основании, что признанием республики мы бы не признали Халифа, значит, отрицали бы Пророка Мухаммада, что значит отрицание Аллаха» (РГА СПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 9. Л. 17–18). Верховным главой кавказских мусульман был объявлен турецкий султан-халиф и его наместник эмир Узун-Хайри-Хаджи-Хан, который был одновременно светским и духовным главой мусульман и соединял в своих руках всю полноту законодательной, исполнительной, судебной и военной власти. Великий визирь формировал правительство – Совет министров, состоявший из 12 министерств. При эмире также функционировал Меджлис, в который могли избираться все кавказские мусульмане мужского пола независимо от национальности. Всем мусульманам открывался доступ к государственной службе, национальные и родовые различия не должны были приниматься во внимание. Состав правительства был интернациональным: в нем было представлено по два аварца, чеченца, ингуша и кабардинца. Судебные дела было предписано отправлять по шариату [10, с. 58]. Эмират делился на 7 губерний во главе с назначавшимися великим визирем губернаторами, а они в свою очередь на округа и участки во главе с окружными и участковыми начальниками. Участки состояли из нескольких сельских обществ во главе с приставами и выборными старшинами.

Однако Узун-Хаджи, не имевший опыта и навыков государственного управления, стал фактически декоративной фигурой в возглавляемой им шариатской

монархии. Реальная власть была сосредоточена в руках Дышнинского, присвоившего себе титул «Магомед-Киямил-Хан» и занявшего должности министров иностранных дел, морского ведомства, просвещения, вакуфных дел и имуществ. Вскоре он был произведен в фельдмаршалы и назначен главнокомандующим вооруженными силами Эмирата. Меджлис, формально считавшийся законодательным органом, не получил никакой реальной власти. Вместо проведения свободных выборов великий визирь сам подобрал депутатов парламента, позаботившись о том, чтобы в его состав вошли «люди скромные и послушные» [2, с. 277]. Необычайно разросшийся бюрократический аппарат, включавший совершенно ненужные ведомства (например, в условиях отсутствия выхода к морям существовало морское министерство; министерство путей сообщения, почт и телеграфов также бездействовало по причине фактического отсутствия последних; торгово-промышленное министерство за весь период существования открыло лишь оружейную мастерскую и две хлебпекарни в Ведено; на небольшой территории существовало примерно столько же губерний, сколько на всем Кавказе до революции и т. д.), поглощал огромные средства, превышавшие доходы. Уровень коррупции, по свидетельству современников, увеличился по сравнению с царским периодом, шариатские суды бездействовали, а иногда и сами занимались вымогательством денег у населения. Финансовая система шариатской монархии также никогда не отличалась стабильностью. Не удалось наладить и должным образом налогообложение, а также снабжение армии продовольствием, боеприпасами, одеждой. Вообще штат военного ведомства был необычайно раздут, а интендантские службы погрязли в коррупции, притом, что на передовой бойцы не получали самого необходимого [2, с. 284]. Должностные лица, не имевшие опыта административной работы, часто конфликтовали друг с другом; связано это было с отсутствием строгой регламентации полномочий каждого учреждения и границ административных образований, а также с желанием каждого чиновника увеличить подконтрольную ему территорию, с которой он мог собирать налоги [10, с. 59].

В итоге постепенно все большее количество горцев стало разочаровываться в шариатской монархии. Крестьяне уклонялись от уплаты налогов и исполнения многочисленных повинностей, а также от мобилизации в армию, дезертировали из вооруженных сил. Великий визирь угрожал неплательщикам налогов конфискацией имущества и заявлял, что будет сжигать уклоняющиеся от мобилизации аулы, что не добавляло ему популярности. Власти на местах констатировали, что жители «совершенно чувствуют себя свободными от власти нашего Эмирата» (РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 3. Д. 4. Л. 40; 2), не принимают выпускавшиеся в Ведено деньги, не исполняют повинности, «свободно вывозят все сырье и лесной материал на грозненский рынок», прогоняют чиновников. По данным деникинской разведки, уже в ноябре 1919 г. «движение Узун-Хаджи стало изживать себя. Большая часть плоскостной Чечни отвернулась от Узуна». Его главную опору стали составлять «дезертиры – кабардинцы, ингуши, осетины, а также абреки и разного рода бандиты», «пришлый элемент» стал преобладать и в шариатской армии, в то время как собственно чеченцы стали расходиться по домам [3, л. 175–177].

Узун-Хаджи не удалось сплотить вокруг себя всех шариатистов. Часть из них продолжала признавать своим лидером Н. Гоцинского, который рассылал воззвания, призывая всех мусульман вести борьбу против Узун-Хаджи, и подчеркивал, что «убить его – долг всякого, выполняющего догмы шариата» (Узун-Хаджи Салтинский – политический деятель Дагестана и Чечни (документы и материалы). – Махачкала, 2017. – С. 74). 1 декабря поддерживавшие Гоцинского дагестанские алимы

постановили объявить Узун-Хаджи «врагом шариата», а его дело – гибельным для населения. Было выпущено воззвание, в котором Нажмутдин Гоцинский объявлялся единственным законным имамом, а Узун-Хаджи – самозванцем и смутьяном. Алимь призывали горцев вести борьбу в контакте с Добровольческой армией против новоявленного эмира [15, с. 74–75].

Ключевым вопросом выживания Эмирата был поиск могущественных союзников. Однако страны Закавказья отказались от официального признания шариатской монархии, Антанта поддерживала Деникина, а Османская империя, потерпевшая поражение в Первой мировой войне, ничем не могла помочь Узун-Хаджи. Оставалась только Советская Россия, воевавшая с Деникиным. В сентябре 1919 г. большевики приняли решение: «Пока Узун-Хаджи будет вести горцев на борьбу против Деникина, он будет в пределах допустимого нашим союзником и в такой же мере будет пользоваться нашей поддержкой» (РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 14. Л. 16). Большевики использовали союз с эмиром для укрепления своих позиций на Кавказе, внедрения своих людей на высшие военные и политические должности в Эмирате и проведения скрытой работы по его внутреннему разложению [9, с. 115].

В марте 1920 г. Красная Армия, выбив белых с Северного Кавказа, заняла Грозный. Узун-Хаджи направил на переговоры с красным командованием делегацию, которая потребовала немедленно вывести все подразделения РККА из региона. В свою очередь большевики заявили, что Кавказ – неотъемлемая часть Советской России, правительство Эмирата они не признают, но готовы признать Узун-Хаджи имамом Чечни и Дагестана и сохранить за ним верховную религиозную власть при условии его отказа от светской власти и вмешательства в политическую борьбу [2, с. 300]. В разгар переговоров 30 марта престарелый эмир скончался от тифа. Его преемником был провозглашен аварский шейх Дарбиш Мухаммад-Хаджи Инхоевский, однако ему не удалось консолидировать своих сторонников. Начался быстрый развал шариатской монархии, завершившийся в апреле 1920 г. ее падением.

Имам Саид-бей против Советской власти

Последняя попытка создания на Северном Кавказе мусульманской теократической монархии была предпринята в 1920 г. Еще 11 мая в чеченском ауле Капши в окрестностях Ведено состоялось собрание антисоветски настроенных горцев, на котором было принято решение избрать эмиром Северного Кавказа младшего сына Шамиля Мухаммада Камиля – генерала турецкой армии. Однако он был болен и не смог лично принять участие в борьбе и дал согласие направить в Дагестан своего 19-летнего сына Саид-бея [5, с. 375]. 4 сентября Н. Гоцинский, находившийся в Грузии, с небольшим отрядом появился в Дагестане. Вскоре в Дагестане вспыхнуло мощное восстание, вызванное недовольством горцев продрозверсткой, большевистским террором, притеснениями религии. Отряды восставших возглавили бывшие офицеры царской армии, среди которых особенно выделялись полковники М. Джафаров и К. Алиханов. Однако многие горцы скептически относились к этим людям, скомпрометировавшим себя сотрудничеством с Деникиным. Армейская разведка сообщала, что «во всех восставших селах ждут прибытия в Дагестан внука Шамиля, находящегося в Грузии» [6, с. 246].

29 октября Саид-бей прибыл в Дагестан. В районе Гидатлинского моста его встретил Гоцинский, который в торжественной обстановке признал его руководителем всех горцев. Временной резиденцией повстанческого руководства стал аул Инхо Андийского округа. Саид-бей сосредоточил в своих руках высшую власть на контролируемой повстанцами территории. Однако в силу своего юного возраста и незнакомства с кавказскими реалиями он во многом оставался

символической фигурой. При нем функционировал Совет четырех шейхов, куда входили Магома Балаханский, Ибрагим-Хаджи Кучрабский, Дарбиш Мухаммад-Хаджи Инхоевский, Мухаммад-Амин Ансалтинский [13, л. 9]. Гоцинский, формально не занимая высоких постов, тем не менее, пытался оказывать влияние на проводимую политику, вследствие чего между ним и Саид-беем, стремившимся избавиться от опеки бывшего имама, время от времени возникали трения.

Конечные цели борьбы виделись лидерам повстанцев по-разному. Так, Ибрагим-Хаджи Кучрабский призывал мусульман «соединенными силами прогнать русских с нашей земли, ... изгнать русских из нашего края с помощью Аллаха». В то же время Саид-бей склонялся к союзу с терскими казаками с целью создания единого антибольшевистского фронта [5, с. 268]. Однако восстание не получило размаха, ограничившись отдельными регионами Дагестана и Чечни. Большинство горцев, в том числе многие авторитетные духовные деятели, не поддержали повстанцев и призывали мусульман сохранить лояльность Советской власти. Умело сочетая силовые методы с экономическими и политическими уступками, большевики весной 1921 г. смогли подавить основные очаги восстания. Саид-бей эмигрировал в Турцию, однако Гоцинский вместе с непримиримо настроенными шейхами принял решение продолжать борьбу [6, с. 265].

Окончательное поражение шариатистов

Во второй половине 1922 г. шариатистское подполье оправилось от понесенных ударов, сумело восстановить организационную структуру и продолжить борьбу. Влияние Гоцинского было особенно сильным в Аварском, Андийском, Хасавюртовском, Веденском, Шатойском, Шаройском и Итум-Калинском районах. Руководство Дагестанской и Горской АССР признавало, что в этих районах Советской власти де-факто не было. Местные исполкомы были бессильны что-либо предпринять, часть из них возглавлялась сторонниками повстанцев. Власть в аулах принадлежала муллам и старейшинам, многие из которых поддерживали шариатистов. Имам назначал на местах своих наибов и шариатских судей, которые стали «параллельной властью», зачастую более могущественной и авторитетной, чем власть официальная.

Гоцинский пытался заручиться поддержкой зарубежных государств. На Запад был направлен специальный представитель имама, бывший царский офицер Ахмед-хан Аварский, который возбудил перед Советом Лиги Наций ходатайство о признании Гоцинского главой «будущего независимого государства на Кавказе» и об оказании ему помощи. Финансовую поддержку шариатистам оказывали Турция, Англия и Франция [4, с. 24]. Однако Гоцинскому так и не удалось привлечь на свою сторону большую часть мусульман и вызвать общегорское восстание. 20 ноября 1923 г. Съезд мусульман Дагестана в ауле Кахиб принял резолюцию, в которой говорилось о поддержке Советской власти и содержались призывы к борьбе с Гоцинским: «Мы все убедились, что самозванный имам Нажмутдин Гоцинский есть злой дух, который кроме несчастий, осиротения и овдовения и всяких других бедствий ничего населению не дал» [8].

Не удалось получить и официального признания со стороны зарубежных государств. Турецкие и английские эмиссары постоянно обещали Гоцинскому военную помощь, но фактически смотрели на повстанцев как на инструмент реализации своих целей, будучи заинтересованными в затяжном вооруженном противостоянии на Северном Кавказе, ослаблявшем Советский Союз. Дважды, в декабре 1923 г. и мае 1924 г., Гоцинский склонялся к переговорам с

коммунистическими властями о прекращении сопротивления и оба раза по настоянию английских спецслужб принимал решение о продолжении войны.

Британское влияние явно прослеживается в тексте написанной им в марте 1924 г. Ноте Советскому правительству. В ней Гоцинский объявил себя единственным носителем легитимной власти в регионе – «имамом от всего народа Кавказа», и ультимативно потребовал, чтобы коммунисты очистили все города и населенные пункты Кавказа и Нижнего Поволжья вплоть до Ростова-на-Дону, передав Имамату все военное имущество, крепости, пароходы, вооружение, промыслы и финансовые средства. Советское правительство должно было вернуть прежним владельцам (в т. ч. иностранцам) национализированные земли, промышленные и торговые предприятия и возместить все убытки, причиненные мусульманам за время «оккупации». Кроме того, СССР должен был признать независимость Туркестана и Крыма, очистить все Черноморское побережье и ликвидировать Черноморский флот. Планировалось, что Кавказ, Крым и Туркестан составят единое мусульманское теократическое государство, руководителем которого Гоцинский видел себя. Примечательно, что имам потребовал предоставить в Советском Союзе полную свободу вероисповедания христианам, не вмешиваться в дела религии, возратить Православной церкви все конфискованное движимое и недвижимое имущество [11, л. 1].

Однако имам, объективно превращавшийся в проводника британских интересов, был не в том положении, чтобы разговаривать с Советской властью языком ультиматума. К середине 1920-х гг. коммунистам удалось переломить ситуацию на Северном Кавказе. Повстанческое движение шло на убыль, а большинство горцев, устав от тягот войны, жаждало скорейшего мира. В августе-сентябре 1925 г. была проведена масштабная войсковая операция в горной Чечне и Дагестане, в результате которой почти все опорные базы и отряды шариатистов были уничтожены. 5 сентября Гоцинский согласился капитулировать, отказаться от звания имама и участия в политической борьбе при условии полной амнистии его самого и всех его сторонников. Однако он был арестован, вывезен в Ростов-на-Дону и отдан под суд по обвинению в создании и руководстве контрреволюционными бандами. 28 сентября его сочли «элементом неисправимым и вредным Союзу ССР» и приговорили к смертной казни [6, с. 325]. 15 октября приговор был приведен в исполнение.

Заключение. Почему не состоялась шариатская монархия на Северном Кавказе?

Можно сделать вывод, что на протяжении 1917–1920 гг. на Северном Кавказе были предприняты три попытки создать мусульманскую теократическую монархию, живущую по законам шариата, однако ни одна из них не увенчалась успехом. Думается, тому был целый ряд причин как внутреннего, так и внешнего характера. Движение за создание шариатской монархии объективно не могло найти поддержки среди довольно многочисленного немусульманского населения Северного Кавказа, которое опасалось, что в мусульманском теократическом государстве все немусульмане будут подвергаться дискриминации. Географически влияние шариатистов охватывало только горные регионы Дагестана, Чечни и в меньшей степени Ингушетии, в то время как горцы Центрального и Северо-Западного Кавказа были индифферентны к их пропаганде. Даже на Северо-Восточном Кавказе им не удалось завоевать симпатии мусульманского большинства.

Консервативная позиция, занятая шариатистами в аграрном вопросе, в конечном итоге оттолкнула от них крестьянство, составлявшее подавляющую часть населения региона. Большинство городских жителей и представителей кавказской

интеллигенции видели в шариатистах реакционную силу, враждебную прогрессу и демократии. Среди ведущих мусульманских деятелей Дагестана и Чечни далеко не все разделяли идеи о необходимости возрождения Имамата, многие духовные лидеры горцев поддерживали Горскую республику, а некоторые – Деникина и даже Советскую власть. Шариатское движение не смогло сохранить внутреннее единство и в 1919 г. раскололось. Два самых авторитетных лидера – Нажмутдин Гоцинский и Узун-Хаджи Салтинский стали непримиримыми врагами. Определенные трения существовали и между Гоцинским и внуком Шамиля Саид-беем, претендовавшим на лидерство в силу своего происхождения. Кроме того, вожди шариатистов показали себя посредственными политиками, некомпетентными управленцами (особенно ярко это проявилось в Эмирате Узун-Хаджи) и плохими полководцами.

Шариатистам не удалось добиться международного признания. Османская империя в 1918 г. поддержала светских национал-демократов, провозгласивших Горскую республику, а после поражения в Первой мировой войне утратила статус великой державы. Антанта первоначально поддерживала горских республиканцев, а затем сделала ставку на белогвардейского генерала А.И. Деникина. Закавказские государства тоже уклонились от официального признания Эмирата Узун-Хаджи и Имамата Саид-бея.

Кроме того, военный и экономический потенциал Советской России, а затем СССР значительно превосходил возможности их противников на Северном Кавказе. Проведение аграрной реформы, переход к новой экономической политике, создание национально-территориальных автономий, гибкая политика по отношению к горцам и исламу, укрепление органов Советской власти на местах неизбежно вели к окончательной победе коммунистов над шариатистами. Последние к середине 1920-х гг. фактически потеряли субъектность, перестали быть самостоятельной политической силой и де-факто становились инструментом зарубежных спецслужб, заинтересованных в дестабилизации ситуации на Северном Кавказе и продолжении вооруженного противостояния. Однако подавляющая часть горцев сделала выбор в пользу мира и лояльности Советской власти, что и привело к полному краху антикоммунистического подполья.

Литература

1. [Вачагаев М.М.](#) Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920. – М.: Центрполиграф, 2018.
2. [Гатуев Д.](#) Империя Узун-Хаджи // Революционный Восток. – М., 1928. – № 4–5.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 32.
4. [Доного Х.М.](#) Нажмутдин Гоцинский: грани личности. – Махачкала, 2002.
5. [Доного Х.М.](#) Нажмутдин Гоцинский: общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века. – Махачкала, 2005.
6. [Жуупикова Е.Ф.](#) Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. – М.: Новый хронограф, 2016.
7. [Каишбаев Б.О.](#) От Февраля к Октябрю (национально-освободительное движение в Дагестане). – Махачкала, 1972.
8. Красный Дагестан. 1923. 17 декабря.
9. [Нахибашев М.З.](#) Узун-Хаджи Салтинский – общественно-политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни. – Махачкала, 2009.

10. Орешин С.А. Эмират Узун-Хаджи – исламистская модель государственности на Северном Кавказе 1919–1920 гг. // Клио. Журнал для ученых. – СПб., 2014. – № 8 (92).

11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 65. Оп. 1. Д. 220.

12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1300с. Оп. 1. Д. 6.

13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 266. Оп. 1. Д. 18.

14. Тахо-Годи А.А. Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала: Даг.НИИ, 1927.

15. Какагасанов Г.И. Узун-Хаджи Салтинский – политический деятель Дагестана и Чечни (Документы и материалы). – Махачкала: Алеф, 2017. – 253 с.

16. ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1. Д. 36.

References

1. Vachagaev, M. M. *The Union of Highlanders of the North Caucasus and the Mountain Republic. History of the Might-Have-Been State. 1917–1920*. Moscow, 2018. (in Russian)

2. Gatuev D. The Empire of Uzun-Haji. *The Revolutionary East*. Moscow. 1928, № 45. (In Russian)

3. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. F. R-446. Op. 2. D. 32. (in Russian)

4. Donogo H.M. *Nazhmuddin Gotsinsky: Dimentions of Personality*. Makhachkala, 2002. (in Russian)

5. Donogo H.M. *Nazhmuddin Gotsinsky: Social and Political Struggle in Dagestan in the First Quarter of the 20th Century*. Makhachkala, 2005. (in Russian)

6. Zhupikova E.F. *Insurgency in the Northern Caucasus in 1920–1925*. Moscow. 2016. (in Russian)

7. Kashkaev B.O. *From February to October (National Liberation Movement in Dagestan)*. Makhachkala, 1972. (in Russian)

8. *The Red Dagestan. – 1923. – December 17th*. (in Russian)

9. Nakabashi M.Z. *Uzun Haji Seltinsky: a Public and Religious Figure of Dagestan and Chechnya*. Makhachkala, 2009. (in Russian)

10. Oreshin S.A. Emirate of Uzun Hadji-Islamist Model of Statehood in the North Caucasus in 1919–1920. *Clio. Journal for scientists*. SPb., 2014, № 8 (92). (in Russian)

11. *Russian state archive of social and political history (RGASPI)*. F. 65. Op. 1. D. 220.

12. *Russian state military-historical archive (RGVIA)*. F. 1300s. Op. 1. D. 6.

13. *Russian state military archive (RGVA)*. F. 266. Op. 1. D. 18.

14. Tahoe-godi A.A. *Revolution and Counter-Revolution in Dagestan*. Makhachkala, 1927. (in Russian)

15. *Uzun Haji Seltinsky as a Political Leader of Dagestan and Chechnya (Documents and materials)*. Makhachkala, 2017. (in Russian)

16. *Central state archive of the Republic of Dagestan (CGA RD)*. F. R-610. Op. 1. D. 36.